

ГИЛЬДИЯ ЛИНГВИСТОВ-ЭКСПЕРТОВ ПО ДОКУМЕНТАЦИОННЫМ И ИНФОРМАЦИОННЫМ СПОРАМ

Рег.№14127 Главного управления Министерства юстиции РФ по г. Москве от 15.02.2001 г.

129164 МОСКВА а/я 110. Тел.: +7 (903) 769 7179, +7 (925) 002 00 22. E-mail: e-expert@yandex.ru ИНН 7717118908. Internet: www.rusexpert.ru

Р Е Ц Е Н З И Я

**на заключение комплексной экспертизы
информационной продукции от 16.06.2014 г.,
выполненной сотрудниками ФГАОУ ВПО
«Северо-Кавказский федеральный университет»
В.В. Василенко, Е. Н. Ежовой,
С. Т. Барановым, И. В. Букреевой и Н. Г. Беляевым
по материалам проверки КРСП № 195 от 21.05.2014 г.**

г.Москва

«11» декабря 2014 г.

Сведения об экспертном учреждении: Общественное объединение «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС)». Свидетельство о регистрации общественного объединения № 14127 от 15 февраля 2001 г., выдано Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве.

Рецензирование осуществлено на основании запроса № 235 от 13 октября 2014 г. адвоката Адвокатской конторы Промышленного района города Ставрополя Ставропольской краевой коллегии адвокатов Адвокатской палаты Ставропольского края В. В. Савина и договора № 26-10/14, заключенного между адвокатом В. В. Савиным и Региональной общественной организацией «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам» (РОО ГЛЭДИС).

Рецензирование выполнено комиссией специалистов-лингвистов в следующем составе:

ЖАРКОВ ИГОРЬ ВЕНИАМИНОВИЧ — действительный член Гильдии, член Правления ГЛЭДИС, начальник научно-методического отдела РОО ГЛЭДИС, кандидат филологических наук (специальность: «10.02.21 – Структурная, прикладная и математическая лингвистика», диплом КТ №017433), стаж научной деятельности и работы по специальности — 25 лет, экспертная специализация – судебная лингвистическая экспертиза (свидетельство эксперта № 063-01/14-сэ от 27.01.2014 г., выдано решением экспертно-квалификационной комиссии Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 27 января 2014 г., протокол № 55);

МАМОНТОВ АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ — действительный член Гильдии, член Правления ГЛЭДИС, Ученый секретарь ГЛЭДИС, доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им А.С. Пушкина, академик РАЕН (специальность: «10.02.01 – Русский язык»), диплом доктора филологических наук № ДК 007310 от 23.03.2001 г., стаж работы по специальности – 39 лет, экспертная специализация – судебная лингвистическая экспертиза (свидетельство эксперта № 065-01/14-сэ от 28.01.2014 г., выдано решением экспертно-квалификационной комиссии Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 28 января 2014 г., протокол № 56);

ТРОФИМОВА ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА — действительный член Гильдии, члена Правления ГЛЭДИС, Заместитель Председателя Правления ГЛЭДИС, доктор филологических наук (специальность: «10.02.01 – Русский язык», диплом доктора филологических наук № ДК 024624), профессор кафедры массовых коммуникаций филологического факультета Российского университета дружбы народов, стаж работы по специальности - 19 лет, экспертная специализация – судебная лингвистическая экспертиза (свидетельство эксперта № 067-01/14-сэ от 29.01.2014 г., выдано решением экспертно-квалификационной комиссии Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 29 января 2014 г., протокол №57).

Научная и методическая литература:

1. Ю. А. Бельчиков, М. В. Горбаневский, И. В. Жарков. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. Сборник материалов. — М.: ИПК «Информкнига», 2010. (Издание подготовлено по заказу Роскомнадзора).
2. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. — 2е изд., испр. и доп. — М.: Юридический Мир, 2006.
3. Смирнова С.А. Судебная экспертиза на рубеже XXI века. 2-е издание. — СПб.: ПИТЕР, 2004.
4. Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». — М.: Право и закон; Юрайт-Издат, 2002.
5. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. — М.: Норма, 2005.
6. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. — М.: Норма, 2006.
7. Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения. М.: Стэнси, 2003.
8. Судебно-экспертное исследование вещественных доказательств. — М.: Амалфея, 2003.
9. В. В. Нагаев. Эротика и порнография. Критерии различий. Проблемы правовой оценки и экспертизы: монография — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009.
10. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». / Под ред. В.П. Кашепова. — М., 2003.
11. Комментарий к законодательству о судебной экспертизе. Уголовное, гражданское, арбитражное судопроизводство. — М.: Норма, 2004.
12. Теория и практика судебной экспертизы в гражданском и арбитражном процессе. Научно-практическое пособие. / Под ред. д.ю.н, проф. Россинской Е.Р. — Москва, 2006.

13. Спорные тексты СМИ и судебные иски: Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: Престиж, 2005 г.;
14. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: Медея, 2004;
15. Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Сборник материалов научно-практического семинара. Москва 7-8 декабря 2002 г. /Под ред. проф. М.В. Горбаневского. В двух частях. – М.: Галерея, 2002-2003;
16. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. //Под ред. проф. М.В. Горбаневского – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Галерея, 2002.
17. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: Учеб. пособие. - М.: Флинта: Наука, 2007.
18. Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. — М.: Проспект, 2010.

По мнению комиссии специалистов-лингвистов, для оценки представленного на рецензирование документа как доказательства по уголовному делу могут иметь значение следующие обстоятельства.

Представленный на рецензирование документ выполнен на основании постановления о назначении экспертизы информационной продукции, вынесенного 28.05.2014 г. старшим следователем отдела по расследованию особо важных дел следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ставропольскому краю подполковником юстиции И. А. Анисимовым по материалам проверки КРСП № 195 от 21.05.2014 г.

Исходя из содержания рецензируемого документа, он отражает ход и результаты исследований, относящихся к особому виду деятельности, регламентируемому процессуальным законодательством и специальными законодательными актами, — судебно-экспертной деятельности, — проведенных

лицами, обладающими специальными знаниями в нескольких разных областях науки, на основании указанного постановления, а следовательно, относится к жанру **заключений эксперта**. Содержание термина *заключение эксперта* определено в ст. 9 закона №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 года:

заключение эксперта — письменный документ, отражающий ход и результаты исследований, проведенных экспертом.

Из текста закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» следует, что судебного эксперта можно определить как «аттестованного работника государственного судебно-экспертного учреждения, производящего судебную экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей» (государственный судебный эксперт, ст. 12) либо лицо, обладающее специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, выполняющее судебную экспертизу, но не являющееся государственным судебным экспертом (ст. 41).

При этом **судебную экспертизу** указанный закон определяет как процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний и которые поставлены перед экспертом уполномоченным лицом (судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем) в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу (ст. 9).

Статус эксперта и порядок назначения экспертизы с точки зрения уголовного процесса подробно регламентированы в действующем **Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации** (УПК РФ). Согласно ст. 57 указанного кодекса, **экспертом** в уголовном процессе является лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном УПК РФ, для производства судебной экспертизы и дачи заключения.

Из содержания представленного на рецензирование документа вытекает, что он представляет собой заключение комиссии экспертов разных специальностей (а следовательно, по результатам производства комплексной экспертизы), составленное группой сотрудников ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», не имеющего статуса государственного судебно-экспертного учреждения.

В информационно-правовых базах российского законодательства насчитываются сегодня сотни нормативных актов различного уровня, регламентирующих судебно-экспертную деятельность. Системным документом, определяющим правовой статус судебно-экспертной деятельности и заключений экспертов, является федеральный закон №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 года.

Указанный системный акт определяет правовую основу, принципы организации и основные направления судебно-экспертной деятельности (СЭД) как самостоятельного вида социально-полезной деятельности в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве. В этом же законе закреплены принципы и правовые основы СЭД, исторически сложившиеся на основе многолетней правоприменительной практики.

Согласно ст. 2¹ указанного закона, судебно-экспертная деятельность состоит в организации и производстве судебной экспертизы. **Задачей** судебно-экспертной деятельности является оказание содействия правоохранительным органам («судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям») в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу. Содействие оказывается посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла.

В ст. 9 даны определения основных понятий, используемых в законе. В частности, под **судопроизводством** понимается «регулируемая процессуальным законодательством Российской Федерации деятельность суда или судьи в ходе судебного разбирательства гражданских, административных и уголовных дел, а также деятельность органа дознания, лица, производящего дознание, следователя или прокурора при возбуждении уголовного дела, проведении дознания и предварительного следствия».

Судебную экспертизу закон определяет как процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний и которые поставлены перед

---

¹ С учетом положения ст. 41, распространяющей действие ряда основных положений закона на судебно-экспертную деятельность лиц, не являющихся государственными судебными экспертами.

экспертом уполномоченным лицом (судом, судьей, органом дознания и т. д.) в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу.

Заключение эксперта — «письменный документ, отражающий ход и результаты исследований, проведенных экспертом».

Статья 3 закона определяет **правовую основу** государственной судебно-экспертной деятельности, в которую помимо Конституции Российской Федерации, данного закона и других федеральных законов, а также нормативно-правовых актов федеральных органов исполнительной власти, регулирующих организацию и производство судебной экспертизы, включено процессуальное законодательство, в том числе Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

В статьях 4–8 закона зафиксированы основные принципы государственной судебно-экспертной деятельности, которые, согласно ст. 41, распространяются и на судебно-экспертную деятельность негосударственных экспертов. Эти принципы могут быть содержательно разнесены на две группы.

Первую группу составляют **процессуально-правовые (общеправовые) принципы** деятельности:

- принцип законности (ст. 5);
- принцип соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица (ст. 6).

Вторую группу составляют **профессиональные (специальные) принципы** судебно-экспертной деятельности, являющиеся межотраслевыми, не зависящими от конкретного вида процесса (уголовный, гражданский, административный и т. д.), в котором участвует эксперт:

- принцип независимости эксперта, в соответствии с которым при производстве судебной экспертизы эксперт независим, он не может находиться в какой-либо зависимости от органа или лица, назначивших судебную экспертизу, сторон и других лиц, заинтересованных в исходе дела. Не допускается воздействие на эксперта со стороны судов, судей, органов дознания, лиц, производящих дознание, следователей и прокуроров, а также иных государственных органов, организаций, объединений и отдельных лиц в целях получения заключения в пользу кого-либо из участников процесса или в интересах других лиц. Лица, виновные в оказании воздействия на эксперта, подлежат ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации (ст. 7);

- принцип наличия у эксперта определенной и ограниченной процессуальной компетенции. «Эксперт дает заключение, основываясь на результатах проведенных исследований в соответствии со своими специальными знаниями» (ст. 7);
- принцип объективности исследования. «Эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности...» (ст. 8). Объективность исследования является одним из общих принципов научного познания. Ведущим критерием объективности является получение тех же или близких результатов при воспроизведении исследования другим лицом или учреждением;
- принцип проверяемости выводов эксперта, тесно связанный с принципом объективности исследования. «Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных» (ст. 8);
- принцип полноты экспертного исследования (ст. 8), который означает, что при даче заключения эксперт должен, как минимум, сформулировать выводы по всем поставленным перед ним вопросам, а также по возможности стремиться проявить экспертную инициативу, т. е. указать на обнаруженные им в ходе исследования обстоятельства, которые могут иметь значение для дела, по поводу которых вопросы не были поставлены;
- принцип всесторонности исследования (ст. 8), которая трактуется как учет при производстве экспертизы всех факторов (признаков представленного объекта), свидетельствующих как в пользу положительного вывода по поставленному вопросу, так и в пользу отрицательного вывода либо вывода о невозможности решения вопроса.

Из текста закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» следует, что судебного эксперта можно определить как «аттестованного работника государственного судебно-экспертного учреждения, производящего судебную экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей» (государственный судебный эксперт, ст. 12) либо лицо, обладающее специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, выполняющее судебную экспертизу, но не являющееся государственным судебным экспертом (ст. 41).

Правовой статус **эксперта** определяется прежде всего кругом его прав и обязанностей. Согласно ст. 16 указанного закона, эксперт **обязан**:

- принять к производству порученную ему судебную экспертизу;

- провести полное исследование представленных ему объектов и материалов дела, дать обоснованное и объективное заключение по поставленным перед ним вопросам;
- если поставленные вопросы выходят за пределы специальных знаний эксперта, объекты исследований и материалы дела непригодны или недостаточны для проведения исследований и дачи заключения и эксперту отказано в их дополнении либо современный уровень развития науки не позволяет ответить на поставленные вопросы, — составить мотивированное письменное сообщение о невозможности дать заключение и направить данное сообщение в орган или лицу, которые назначили судебную экспертизу;
- не разглашать сведения, которые стали ему известны в связи с производством судебной экспертизы, в том числе сведения, которые могут ограничить конституционные права граждан, а также сведения, составляющие государственную, коммерческую или иную охраняемую законом тайну;
- обеспечить сохранность представленных объектов исследований и материалов дела.

Эксперт также исполняет обязанности, предусмотренные соответствующим процессуальным законодательством.

Эксперт не вправе:

- вступать в личные контакты с участниками процесса, если это ставит под сомнение его незаинтересованность в исходе дела;
- самостоятельно собирать материалы для производства судебной экспертизы;
- сообщать кому-либо о результатах судебной экспертизы, за исключением органа или лица, ее назначивших;
- уничтожать объекты исследований либо существенно изменять их свойства без разрешения органа или лица, назначивших судебную экспертизу.

Установленные той же статьей запреты:

- принимать поручения о производстве судебной экспертизы непосредственно от каких-либо органов или лиц, за исключением руководителя государственного судебно-экспертного учреждения;
- осуществлять судебно-экспертную деятельность в качестве негосударственного эксперта —

относятся только к государственным судебным экспертам.

Права эксперта определены в статье 17 указанного закона. Эксперт вправе:

- ходатайствовать перед руководителем судебно-экспертного учреждения о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов, если это необходимо для проведения исследований и дачи заключения;
- делать подлежащие занесению в протокол следственного действия или судебного заседания заявления по поводу неправильного истолкования участниками процесса его заключения или показаний;
- обжаловать в установленном законом порядке действия органа или лица, назначивших судебную экспертизу, если они нарушают права эксперта.

Эксперт также имеет права, предусмотренные соответствующим процессуальным законодательством.

Согласно ст. 25 указанного закона, на основании проведенных исследований с учетом их результатов эксперт от своего имени или комиссия экспертов дают **письменное заключение** и подписывают его.

В заключении эксперта или комиссии экспертов должны быть отражены:

- время и место производства судебной экспертизы;
- основания производства судебной экспертизы;
- сведения об органе или о лице, назначивших судебную экспертизу;
- сведения о судебно-экспертном учреждении, об эксперте (фамилия, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы, ученая степень и ученое звание, занимаемая должность), которым поручено производство судебной экспертизы;
- предупреждение эксперта в соответствии с законодательством Российской Федерации об ответственности за дачу заведомо ложного заключения;
- вопросы, поставленные перед экспертом или комиссией экспертов;
- объекты исследований и материалы дела, представленные эксперту для производства судебной экспертизы;
- сведения об участниках процесса, присутствовавших при производстве судебной экспертизы;
- содержание и результаты исследований с указанием примененных методов;
- оценка результатов исследований, обоснование и формулировка выводов по поставленным вопросам.

Материалы, иллюстрирующие заключение эксперта или комиссии экспертов, прилагаются к заключению и служат его составной частью.

Закон «О государственной судебно-экспертной деятельности» включает в себя те положения, которые являются общими для разных видов судебного процесса. В то же время в процессуальных кодексах есть особые нормы,

относящиеся к судебно-экспертной деятельности и являющиеся специфическими для данного вида процесса.

При наличии общих черт конкретные процессуальные нормы, регулирующие производство экспертизы, по уголовным, гражданским, административным, арбитражным и иным категориям дел имеют свои особенности, а иногда существенно различаются.

Согласно статье 57 Уголовно-процессуального кодекса РФ, экспертом признается любое лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения.

Эксперт в силу своего статуса в уголовном процессе вправе, в частности:

1) знакомиться с материалами уголовного дела, относящимися к предмету судебной экспертизы;

2) ходатайствовать о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения, либо привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов;

3) участвовать с разрешения дознавателя, следователя и суда в процессуальных действиях и задавать вопросы, относящиеся к предмету судебной экспертизы;

4) давать заключение в пределах своей компетенции, в том числе по вопросам, хотя и не поставленным в постановлении о назначении судебной экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования;

В то же время эксперт не имеет права, в частности:

1) без ведома следователя и суда вести переговоры с участниками уголовного судопроизводства по вопросам, связанным с производством судебной экспертизы;

2) самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования.

Эксперт вправе возратить без исполнения постановление о назначении судебной экспертизы, если представленных материалов недостаточно для ее производства или он считает, что не обладает достаточными знаниями для ее производства.

Судебная экспертиза, в производстве которой участвуют эксперты разных специальностей, является **комплексной**. Особенности производства комплексной экспертизы в уголовном процессе регламентированы ст. 201 УПК РФ.

В заключении экспертов, участвующих в производстве комплексной судебной экспертизы, указывается, какие исследования и в каком объеме провел **каждый эксперт**, какие факты он установил и к каким выводам пришел. Каждый эксперт, участвовавший в производстве комплексной судебной экспертизы, **подписывает ту часть заключения**, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность.

С учетом изложенного, **ведущим критерием оценки** представленных на рецензирование документов является их соответствие описанным требованиям законодательства, предъявляемым к заключениям экспертов.

При назначении судебной экспертизы лицо, назначающее ее, сообщает эксперту **сведения об установленных по делу обстоятельствах**, которые могут иметь значение для ответа на поставленные перед экспертом вопросы. При производстве судебно-экспертного исследования эксперт учитывает эти обстоятельства, опирается на них в своих умозаключениях как на заведомо истинные.

Поэтому в целях обеспечения требования объективности (проверяемости результатов, их воспроизводимости) судебно-экспертного исследования, установленного, в частности, ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», в заключении эксперта всегда отражаются те сведения об обстоятельствах дела, которые были сообщены эксперту при назначении экспертизы.

В представленном на рецензирование заключении такие сведения, равно как ссылки на них, **отсутствуют**. Таким образом, в рецензируемом заключении отсутствует часть исходных данных, которые находились в распоряжении экспертов при производстве экспертиз.

Данное обстоятельство ставит под **сомнение объективность** представленного документа как заключения, отражающего результаты судебно-

экспертной деятельности, поскольку объективность исследования является одним из общих принципов научного познания и ведущим критерием объективности является получение тех же или близких результатов при воспроизведении исследования другим лицом или учреждением, а неполнота исходных данных в общем случае препятствует такому воспроизведению.

Из содержания представленных на рецензирование документов (заключений) вытекает, что В. В. Василенко, Е. Н. Ежова, С. Т. Баранов, И. В. Букреева и Н. Г. Беляев являются сотрудниками ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», не имеющего статуса государственного судебно-экспертного учреждения.

Соответственно, процессуальный статус перечисленных лиц может быть определен как **негосударственный судебный эксперт**.

Из содержания представленных на рецензирование документов (заключений) вытекает, что В. В. Василенко, Е. Н. Ежова, С. Т. Баранов, И. В. Букреева и Н. Г. Беляев имеют разные специальности, пересечения в сфере специальных знаний указанных лиц отсутствуют. Соответственно, проведенная перечисленными лицами экспертиза, результаты которых отражены в рецензируемых заключениях, является **комплексной**.

Весь объем текста рецензируемого заключения подписан экспертами совместно; в заключении отсутствуют сведения о том, какие исследования и в каком объеме провел каждый из экспертов, какие факты он установил и к каким выводам пришел, что **противоречит требованиям ст. 201 УПК РФ**, согласно которым в заключении экспертов, участвующих в производстве комплексной судебной экспертизы, указывается, какие исследования и в каком объеме провел **каждый эксперт**, какие факты он установил и к каким выводам пришел. Каждый эксперт, участвовавший в производстве комплексной судебной экспертизы, **подписывает ту часть заключения**, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность.

С учетом изложенного, можно констатировать, что **оформление рецензируемого заключения не соответствует требованиям**, предъявляемым

действующим уголовно-процессуальным законодательством к заключениям, составленным по результатам проведения комплексных экспертиз (ст. 201 УПК РФ).

Согласно ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»:

Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных.

Согласно ст. 25 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», в заключении эксперта или комиссии экспертов должны быть отражены содержание и результаты исследований с указанием примененных методов. Соответственно, по общему правилу при описании методики исследования эксперт определяет адекватный стоящим перед ним экспертным задачам понятийный аппарат, которым он пользуется при изложении в заключении хода и результатов проведенного им исследования.

Важным с точки зрения методики экспертного исследования является также корректное определение **правовой базы** экспертизы.

К сожалению, в рецензируемом заключении полностью отсутствует описание методики исследования (с указанием методов, применяемых каждым из экспертов, относящихся к разным специальностям), не сформулированы решаемые экспертами частные экспертные задачи. Соответственно, о примененных экспертами методах остается только догадываться на основе изложения экспертами хода и результатов исследования.

Правовая база экспертизы экспертами вообще никак не определена. В исследовательской части заключения упоминается и цитируется единственный закон — «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». При этом экспертами никак не обосновывается применимость его положений к обстоятельствам дела. Более того, ознакомление с обстоятельствами, изложенными в постановлении о назначении выполненной экспертами комплексной экспертизы информационной продукции (изложение которых, впрочем, отсутствует в рецензируемом заключении), показывает, что следствие никак не определяет

возраст лиц, выступивших получателями информационных объектов, в отношении которых перед экспертами были поставлены вопросы, в связи с чем применимость указанного закона к обстоятельствам данного конкретного дела, в связи с которыми была выполнена экспертиза, является сомнительной.

Подобное положение дел свидетельствует о несоблюдении экспертами принципов объективности и проверяемости исследования, установленных ст. 8 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности» («Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных»).

Из содержания рецензируемого заключения следует, что перед экспертами следствием были поставлены тождественные вопросы в отношении пяти фотографических изображений, а именно: *содержат ли эти изображения порнографическую информацию*, — что согласуется также с текстом постановления старшего следователя И. А. Анисимова.

Исследовательская часть рецензируемого заключения состоит из шести нумерованных разделов и финального абзаца, фактически представляющего собой синтезирующую часть заключения.

В разделе 1 рецензируемого заключения эксперты дают характеристику смыслового содержания существительного современного русского языка *порнография*. Значение указанного существительного определяется экспертами на основе дефиниций, имеющих в двух толковых словарях современного русского языка («Большой толковый словарь» под ред. С. А. Кузнецова и «Толковый словарь иноязычных слов» Л. П. Крысина). Ссылки на иные толковые словари современного русского языка отсутствуют.

Объединив в один набор семантические компоненты, выделяемые в значении существительного *порнография* указанными словарями, эксперты приходят к промежуточному выводу о том, что «значение данного слова включает смы «половые отношения», «непристойная натуралистичность», «отсутствие эстетической направленности».

В известных методических разработках по теории судебной экспертизы, методических рекомендациях по проведению лингвистических экспертиз (см. например, [1, 2, 3, 14]) особо подчеркивается необходимость обращения к разным словарям, поскольку каждый конкретный словарь отражает субъективизм его составителя, а также обладает особенностями, которые определяются теми лингвистическими концепциями, которые составитель исповедует и разделяет: в лингвистике существуют разные школы, в практической лексикографии применяются существенно различные подходы к решению одних и тех же задач. Использование лишь одного-двух лексикографических источников неизбежно снижает уровень объективности выводов лингвистической экспертизы.

С учетом изложенного, лексикографическая основа, использованная экспертами в рецензируемом заключении, не является достаточной. Анализ значения существительного современного русского языка *порнография*, таким образом, не основан на достаточном объеме общепринятых научных лексикографических данных, что прямо противоречит принципу объективности судебно-экспертной деятельности и не соответствует требованиям ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

В разделе 2 рецензируемого заключения эксперты рассматривают научное понятие порнографии, фиксируемое энциклопедическими словарями «различных типов», и приходят к промежуточному выводу о том, что в разных энциклопедических словарях данное понятие определяется через различные наборы классификационных признаков («В дефинировании данного понятия в различных типах энциклопедических словарей имеются некоторые расхождения»).

Сопоставляя данные энциклопедических словарей, эксперты обоснованно указывают на единственный признак понятия *порнография*, являющийся общим для всех энциклопедических дефиниций, а именно: «непристойное (вульгарно-натуралистическое, чрезмерно откровенное и т.п.) изображение полового акта», — как на центральный, стержневой компонент смыслового содержания понятия порнографии.

Признаки, не являющиеся общими для всех приведенных в рецензируемом заключении энциклопедических дефиниций, эксперты обозначают как «периферийные смыслы», относя к данной категории, в частности, следующие семантические компоненты: «направленность на сексуальное возбуждение как самоцель», «отсутствие художественной, эстетической или научной мотивированности», «социальное порицание».

Среди использованных экспертами энциклопедических лексикографических источников присутствуют информационные ресурсы анонимного авторства, размещенные в глобальной информационно-телекоммуникационной сети Интернет («Сексопедия» и «Терминологический ювенологический словарь»).

Уровень надежности и достоверности данных, размещаемых в сети Интернет, может быть проиллюстрирован, например, общеизвестными положениями, сформулированными в рубриках «Описание» и «Отказ от ответственности» электронной энциклопедии «Википедия», а именно:

- «Википедия не имеет ни центрального редакционного совета, ни главного редактора.»
- «Википедия не может никаким способом гарантировать правильность приведённых в ней данных.»
- «Её строение позволяет любому, кто имеет доступ к Интернету и браузер, изменять её содержание. Поэтому, пожалуйста, примите во внимание, что приведённые здесь сведения могут быть не проверенными профессионалами, обладающими знаниями в соответствующих областях, необходимыми для предоставления вам полной, точной или заслуживающей доверия информации о любом понятии в Википедии.»
- «Мы ищем пути проверки и отбора вызывающих наибольшее доверие версий статей, но мы не можем ничего гарантировать. Наше наибольшее достижение — это избранные участниками статьи, но даже они могли быть испорчены или искажены кем-то за несколько мгновений до прочтения вами.»
- «Никто из авторов, участников, спонсоров, администраторов, операторов и лиц, как-либо ещё связанных с Википедией, не несёт ответственность за появление неточной или ложной информации, а также за использование вами данных, содержащихся на этих веб-страницах либо найденных по ссылкам с них.»
- «Если вам нужен совет специалиста (например, в области медицины, права, финансов или управления рисками), пожалуйста, обратитесь к профессионалам, имеющим лицензию и знания в данной области.»

Научный статус использованных экспертами интернет-ресурсов в рецензируемом заключении не описан. Отсутствуют какие-либо сведения о их составителях, в том числе об уровне их специальных знаний и об их репутации.

Изложенное **не** позволяет отнести сведения, содержащиеся в использованных экспертами электронных энциклопедических источниках, размещенных в глобальной информационно-телекоммуникационной сети общего пользования Интернет, к категории **общепринятых научных и практических данных**.

С учетом изложенного, можно констатировать, что лексикографическая основа, использованная экспертами в рецензируемом заключении, не является достаточной, при этом среди использованных экспертами лексикографических источников присутствуют информационные ресурсы, которые не могут быть отнесены к категории **общепринятых научных и практических данных**. Сказанное прямо противоречит принципу объективности судебно-экспертной деятельности и не соответствует требованиям ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

В разделе 3 рецензируемого заключения эксперты на основе анализа определения термина *порнография*, введенного в упомянутом выше законе «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», и определения понятия порнографии, содержащегося в специальном юридическом источнике — «Комментариях к Уголовному кодексу Российской Федерации» под ред. В. М. Лебедева, — фиксируют «иные смыслы, встраивающиеся в структуру понятия «порнография», а именно: «в одних случаях подчеркивается, что для квалификации материалов как порнографических важно изображение анатомических или физиологических потребностей сексуальных отношений; в других случаях в качестве порнографической рассматривается и информация, представляемая в виде натуралистических изображений или описания половых органов человека».

Таким образом, в рецензируемом заключении эксперты указывают, что провели смысловой анализ юридического термина *порнография*, исходя из его определения в специальных юридических текстах, что с очевидностью свидетельствует о выходе экспертов за границы их специальной компетенции и

прямо противоречит принципу наличия у эксперта определенной и ограниченной процессуальной компетенции, установленному ст. 7 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»: «Эксперт дает заключение, основываясь на результатах проведенных исследований **в соответствии со своими специальными знаниями**», в также принципу объективности исследования, установленному ст. 8 указанного закона: «Эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, **в пределах соответствующей специальности**...».

Обобщая изложенное, можно констатировать, что в разделах 1–3 рецензируемого заключения эксперты проанализировали понятие порнографии и пришли к следующим промежуточным выводам:

- 1) значение слова *порнография* включает следующие семы (элементарные единицы смысла):
  - ‘половые отношения’;
  - ‘непристойная натуралистичность’;
  - ‘отсутствие эстетической направленности’;
- 2) центральным, стержневым компонентом понятия порнографии является непристойное (вульгарно-натуралистическое, чрезмерно откровенное и т.п.) изображение полового акта;
- 3) в понятии порнографии присутствуют также следующие периферийные смыслы:
  - «направленность на сексуальное возбуждение как самоцель»;
  - «отсутствие художественной, эстетической или научной мотивированности»;
  - «социальное порицание»;
- 4) в структуру понятия порнографии встраиваются также иные смыслы:
  - для квалификации материалов как порнографических важно изображение анатомических или физиологических потребностей сексуальных отношений;
  - в качестве порнографической рассматривается информация, представляемая в виде натуралистических изображений или описания половых органов человека.

В разделе 4 рецензируемого заключения эксперты, ссылаясь на «достаточно большой опыт проведения культурологических экспертиз, связанных с выявлением в объекте исследования порнографического содержания», существующий «в России»,

утверждают, что при проведении такого рода исследований особую значимость в квалификации порнографии приобретают следующие критерии:

- «для порнографии характерно акцентирование внимания на изображении контактов половых органов как самоцели; для показов половых актов и гениталий используются прямые и крупные планы, а все остальные детали содержания порнографической продукции выполняют вторичную функцию»;
- «в порнографии не передается или уходит на второй план информация о психологическом взаимодействии людей»;
- «смысл и назначение демонстрации определенных образов и изображений в порнографической продукции жестко мотивирован направленностью на достижение физического сексуального возбуждения»;
- «в порнографической продукции часто используются асоциальные формы сексуального поведения; возбуждение достигается путем демонстрации общественно осуждаемых образов и моделей поведения»;
- «в порнографии, как правило, отсутствует художественная задача; сюжет, если и присутствует, имеет прикладное значение»;
- «порнография не обладает эстетической ценностью».

Исходя из содержания дальнейших разделов исследовательской части заключения, данный набор критериев принимается экспертами: исследуемые ими изображения сравниваются с каждым из перечисленных критериев; по результатам такого сравнения эксперты принимают решение по поставленным перед ними вопросам.

Перечисленные критерии не могут рассматриваться как результат практической реализации системы смысловых компонентов понятия порнографии, описанной в разделах 1–3 рецензируемого заключения. Например, критерий использования асоциальных форм сексуального поведения не может трактоваться как непосредственно связанный с каким-либо из выделенных экспертами смысловых компонентов понятия порнографии.

Обращает на себя внимание также то обстоятельство, что три из шести перечисленных авторами критериев не являются обязательными, носят вероятностный характер, о чем свидетельствуют включенные в их состав обороты «характерно», «часто используются», «как правило», еще один критерий фактически распадается на два таких необязательных критерия за счет использования сочинения

с союзом *или* («не передается или уходит на второй план»). Какие-либо иерархические отношения, иные взаимосвязи между критериями не описываются. Алгоритм принятия решений в случаях отсутствия у объекта той или иной части признаков, удовлетворяющих принятым экспертами критериям, также не описан.

Таким образом, система критериев отнесения исследуемых объектов к категории порнографической продукции, применяемая экспертами, описана в рецензируемом заключении неполно, что не соответствует принципам объективности и проверяемости результатов судебно-экспертного исследования, установленным ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» («Заключение эксперта **должно основываться на положениях, дающих возможность проверить** обоснованность и **достоверность** сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных»).

Описанная экспертами в рецензируемом заключении система критериев не может рассматриваться как общепринятая. В специальной литературе по судебной экспертизе описываются различные классификации эротической и порнографической продукции и вытекающие из таких классификаций критерии отнесения той или иной продукции к порнографической, существенно не совпадающие с описанными в рецензируемом заключении (см. например, [3, 9]). Соответственно, выбирая и принимая один из разработанных в судебно-экспертной области наборов критериев, эксперты должны были обосновать свой выбор.

Однако описанная система критериев, как показано выше, не основана на сформулированных экспертами в разделах 1–3 промежуточных выводах по результатам исследования смысловых компонентов понятия порнографии. Использованная в рецензируемом заключении ссылка на некий «опыт проведения культурологических экспертиз», существующий где-то «в России», не является конкретной (ссылки на конкретные источники этого опыта в рецензируемом заключении отсутствуют) и, следовательно, также не может интерпретироваться как достаточное обоснование принятых экспертами критериев. Таким образом, система критериев отнесения исследуемых объектов к категории порнографической продукции, применяемая экспертами, описана в рецензируемом заключении без достаточного обоснования, что не соответствует принципам объективности и

проверяемости результатов судебно-экспертного исследования, установленным ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» («Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных»).

В разделе 5 рецензируемого заключения эксперты применяют описанные в разделе 4 критерии к исследуемым ими изображениям.

В общем случае оценка соответствия или несоответствия таких изображений принятым экспертами критериям лежит вне пределов компетенции специалистов-лингвистов, однако бросается в глаза отсутствие какого-либо обоснования установленного экспертами соответствия (например, очевидно, что само по себе изображение полового члена в эрегированном состоянии заведомым пренебрежением нормами общественной морали не является, однако из текста рецензируемого заключения неясно, какие именно особенности исследованных экспертами изображений мужских половых членов в эрегированном состоянии позволили экспертам сформулировать промежуточный вывод о пренебрежении нормами общественной морали).

Для каждого из исследуемых ими изображений эксперты указывают на присутствие четырех из шести искомых ими признаков и отсутствие «в явном виде» изображения сексуального контакта половых органов, которое рассматривается экспертами в качестве одного из обязательных, решающих критериев отнесения продукции к порнографической.

В разделе 6 рецензируемого заключения эксперты излагают сведения, относящиеся к исследованию вербального контекста исследуемых ими изображений, для проверки их соответствия критерию наличия изображения сексуального контакта половых органов, которое рассматривается экспертами в качестве одного из обязательных, решающих критериев отнесения изображений к категории порнографической продукции.

Для каждого из изображений эксперты указывают от одного до девяти высказываний, входящих в вербальный контекст изображения, которые эксперты рассматривают как содержащие информацию о половом акте в различных формах его проявления без какого-либо обоснования такой трактовки указанных высказываний.

Однако изучение вербального контекста, сопровождающего исследованные экспертами изображения, не подтверждает выводы экспертов о том, что цитируемые ими высказывания в действительности соответствуют критерию отнесения информационного продукта к категории порнографической продукции, сформулированному экспертами в виде «для порнографии характерно акцентирование внимания на изображении контактов половых органов как самоцели», что определенно свидетельствует о необоснованности и (или) недостоверности этих выводов.

Так, в качестве примера подобного высказывания, относящегося к изображению, представленному в Приложении № 1, эксперты приводят зафиксированную в его вербальном контексте реплику лица, обозначенного как *Светлана*, следующего содержания: «Тебе понравилось трахаться?». Однако в действительности из содержания вербального контекста вытекает следующее:

- данная реплика представляет собой вопрос лица, обозначенного как *Светлана*, адресованный собеседнице, обозначенной как *Настёна*, относящийся к предыдущему опыту половой жизни лица, обозначенного как *Настёна*;
- лицо, обозначенное как *Светлана*, не вступало в половые сношения с лицом, обозначенным как *Настёна*;
- половые органы, зафиксированные на изображении, представленном в Приложении № 1, представлены в вербальном контексте как половые органы лица, обозначенного как *Светлана*.

Таким образом, в вербальном контексте изображения, представленного в Приложении № 1, половое сношение, обозначенное в вопросе «Тебе понравилось трахаться?» глаголом *трахаться*, происходило без участия половых органов, представленных на указанном изображении, а следовательно, изображение,

представленное в Приложении № 1, не может трактоваться как изображение половых органов, на сексуальном контакте с которыми указанным вопросом акцентируется внимание.

В качестве примеров подобных высказываний, входящих в вербальный контекст, относящийся к изображению, представленному в Приложении № 2, эксперты приводят реплики «Могу доставить тебе удовольствие», «Хочешь, отлижу тебе писю, попку, грудь? трахну тебя) будет незабываемо».

Однако в действительности данные высказывания в вербальном контексте указанного изображения вообще отсутствуют.

В качестве примера подобных высказываний, входящих в вербальный контекст, относящийся к изображению, представленному в Приложении № 3, эксперты приводят высказывание «Хуек у тебя так себе, но, думаю, твоим друзьям и подругам понравится. И полизать он сразу хочет, и пипку прислал...».

Однако в действительности данная реплика приведена экспертами не полностью. В полном варианте она выглядит следующим образом: «Эх, Ваня, Ваня... Хуек у тебя так себе, но, думаю, твоим друзьям и подругам понравится. И полизать он сразу хочет, и пипку прислал... Я переписочку нашу заскринила, пойду, по твоему списку разошлю.»

В данном контексте вполне очевидно, что половое сношение, обозначаемое глаголом *полизать*, осуществляется без участия полового члена, зафиксированного на изображении, представленном в Приложении № 3, а следовательно, изображение, представленное в Приложении № 3, не может трактоваться как изображение половых органов, на сексуальном контакте с которыми акцентируется внимание посредством высказываний, цитируемых экспертами.

Изложенное достаточно, чтобы с уверенностью утверждать, что исследование вербального контекста изображений, выступающих как объекты исследования в рецензируемом заключении, проведено экспертами не полностью, что является грубым нарушением принципа полноты экспертного исследования, установленного

ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», предполагающего полное исследование экспертом всех представленных на экспертизу материалов.

Несоблюдение требования полноты исследования привело в данном случае к существенно неверной интерпретации экспертами содержания входящих в вербальный контекст исследуемых изображений высказываний, цитируемых в рецензируемом заключении, и к необоснованному выводу о том, что эти изображения удовлетворяют критерию, сформулированному экспертами в виде «для порнографии характерно акцентирование внимания на изображении контактов половых органов как самоцели», который рассматривается экспертами как обязательный для отнесения информационного объекта к категории порнографической продукции.

Сказанное позволяет также констатировать нарушение принципов объективности и проверяемости результатов исследования, предусмотренных ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Обобщая изложенное, комиссия специалистов-лингвистов ГЛЭДИС приходит к следующим основным выводам.

1. В рецензируемом заключении не нашла своего отражения часть исходных данных, которые находились в распоряжении экспертов при производстве экспертизы, что ставит под сомнение объективность представленного документа как заключения, отражающего результаты судебно-экспертной деятельности.

2. Представленный в рецензируемом заключении анализ информационной продукции не основан на достаточном объеме общепринятых научных лексикографических (словарных) данных; среди использованных экспертами лексикографических источников

присутствуют информационные ресурсы, которые не могут быть отнесены к категории **общепринятых научных и практических данных**; **правовая база** исследования **НЕ определена** экспертами; в рецензируемом заключении полностью **отсутствует описание методики** исследования, не сформулированы решаемые экспертами частные экспертные задачи. Сказанное **прямо противоречит принципу объективности судебно-экспертной деятельности и проверяемости исследования** и не соответствует требованиям ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

3. В рецензируемом заключении эксперты указывают, что провели смысловой анализ юридического термина *порнография*, исходя из его определения в специальных юридических текстах, что с очевидностью свидетельствует о **выходе экспертов за границы их специальной компетенции** и **прямо противоречит принципу** наличия у эксперта определенной и **ограниченной процессуальной компетенции**, установленному ст. 7 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»: «Эксперт дает заключение, основываясь на результатах проведенных исследований **в соответствии со своими специальными знаниями**», в также принципу объективности исследования, установленному ст. 8 указанного закона: «Эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, **в пределах соответствующей специальности**...».

4. Система критериев отнесения исследуемых объектов к категории порнографической продукции, применяемая экспертами, описана в рецензируемом заключении неполно и без достаточного обоснования, что не соответствует принципам объективности и проверяемости результатов судебно-экспертного исследования, установленным ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» («Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных»)

5. Оформление рецензируемого заключения НЕ соответствует требованиям, предъявляемым действующим уголовно-процессуальным законодательством к заключениям, составленным по результатам проведения комплексных экспертиз (ст. 201 УПК РФ).

6. Исследование вербального контекста изображений, выступающих как объекты исследования в рецензируемом заключении, проведено экспертами не полностью, что является грубым нарушением принципа полноты экспертного исследования, установленного ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», предполагающего полное исследование экспертом всех представленных на экспертизу материалов.

Несоблюдение требования полноты исследования привело к существенно **неверной интерпретации** экспертами **содержания** входящих в вербальный контекст исследуемых изображений

высказываний, цитируемых в рецензируемом заключении, и к необоснованному выводу о том, что эти изображения удовлетворяют критерию, сформулированному экспертами в виде «для порнографии характерно акцентирование внимания на изображении контактов половых органов как самоцели», который рассматривается экспертами как необходимый для отнесения информационного объекта к категории порнографической продукции.

7. Эксперты фактически игнорируют то обстоятельство, что при производстве экспертизы в тексте переписки, составляющей вербальный контекст исследуемых изображений, не были выявлены признаки, наличие которых, согласно принятым экспертами определениям и методическим положениям, является необходимым и достаточным условием квалификации исследованных при производстве экспертизы изображений как порнографических.

Исследование (научно-методическое рецензирование) проведено и оформлено в полном соответствии с Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и действующими процессуальными кодексами РФ.

Члены комиссии ГЛЭДИС:

Председатель Правления ГЛЭДИС,
действительный член ГЛЭДИС,
доктор филологических наук,
профессор, академик РАЕН

_____
М.В. ГОРБАНЕВСКИЙ

Член Правления ГЛЭДИС,
действительный член ГЛЭДИС,
начальник научно-методического отдела
РОО ГЛЭДИС,
кандидат филологических наук

_____
И.В. ЖАРКОВ

Член Правления ГЛЭДИС,
действительный член ГЛЭДИС,
ученый секретарь ГЛЭДИС, академик РАЕН,
доктор филологических наук, профессор
кафедры русской словесности и межкультурной
коммуникации Государственного института
русского языка им А.С. Пушкина

А.С. МАМОНТОВ

Зам. председателя Правления ГЛЭДИС,
действительный член ГЛЭДИС,
доктор филологических наук,
профессор кафедры массовых
коммуникаций филологического
факультета Российского
университета дружбы народов

Г.Н. ТРОФИМОВА

ПОДПИСИ ЭКСПЕРТОВ ЗАВЕРЯЮ:

---

*М.В.ГОРБАНЕВСКИЙ,
председатель Правления Гильдии,
доктор филологических наук, профессор,
академик РАЕН*

м.п.

